

Лалла Рук -2: Пророк из Хорасана

Category: Kitapcy, Poemalar

написано kitapcy | 25 января, 2025

Лалла Рук -2: Пророк из Хорасана CXVI

Восторгом опалёнными глазами
Азим следил за нимфами-цветами,
Казалось, их природа создала,
С карандашом фантазии поспорив,
Мечтала, рисовала и ...рвала,
Искала в небе, на земле и в море,
Вот, наконец, нашла и собрала,
Соединив в одно слезу и смех,
Крыла и кандалы, любовь и грех...

CXVII

Как перья облаков, храня багрянец
Румян заката, колыбельный танец
Замысловатым кружевом плели
Над вздыбленным у берега приливом,
И растворялись в рдеющей дали,
Так нимфы, покружившись пред Азимом,
Растаяли в аллеях, что вели
В притихший сад, где серебро Луны
Явь обращало в призрачные сны.

CXVIII

И пред Азимом лишь одна осталась,
В глазах её растерянность плескалась,
Она застыла, лютню сжав в руках,
Ей прелести добавил беспричинный,
Сковавший тело ритуальный страх,
Перед чужим, неведомым мужчиной,

Дерзнувшим появиться в сих стенах.
Лишь амулет сквозь ночь волос мерцал
И трепет любопытства выдавал.

СХІХ

И страх – ничто пред женским любопытством,
С лицом открытым (экое бесстыдство!)
Приблизилась, затронула струну,
И, отгадав в глазах его скорбящих
Печали неземную глубину,
Аккордами тоски кровоточащей,
Воспоминаний грустную волну,
Терзающую боль душевных ран,
Качнула песней в стиле исфаган:

СХХ, СХХІ

«Есть беседка у медленных вод Бендемира,
Там где в розовых кущах поёт соловей,
В снах прекрасных и ярких, как искры сапфира,
Вижу я себя в тихой беседке своей.
Годы детства ушли навсегда. Неужели
Ты остался лишь в песнях, мой сказочный мир?
Где сегодня звенят соловьиные трели?
Где цветут твои розы, родной Бендемир?

Лиру лета сменила осенняя проза,
Над остывшей водою поникли цветы,
Ах, как короток век восхитительной розы,
Как невольно сиянье её красоты...
Розы гибнут, даруя порывам зефира
Навсегда ароматы и краски аллей.
Есть такая беседка у вод Бендемира,
Там где в розовых кущах поёт соловей.»

СХХІІ

Она была наивна и смущённа,

И в играшках любви не искушенна,
Обязанная песней пробудить
В отважном сердце измененность желаний,
В душе была не в силах преступить
Невинности черту. Пугливой лани
Природой не дано, как видно, быть
Добытчицей, с повадками живца,
Манящей в омут юного ловца.

СХХІІІ

И песнь её, как-будто, возвращала
К родному, незабытому причалу,
Дарящему добро и чистоту,
И вольный голубь, свой полёт стремящий,
Лелея нечестивую мечту,
В коварный дом любви ненастоящей,
Тотчас, был остановлен на лету.
Спектакль Моканны прост был и красив,
Но семена от плевел отделив,

СХХІV

Азим отсекал невинность от коварства...
Ах, как неугомонно бабье царство!
Божественным мерцанием Плеяд,
Закутавшись в прозрачность балдахин,ов,
С сияньем звёзд сплетя смешливый взгляд,
Две грации, как-будто на смотринах,
Уж, продолжая праздничный парад,
Змеились иступлённо перед ним,
Их страстный танец был неукротим.

СХХV

В нём было всё — мольба и дерзкий вызов,
И сети обольстительных капризов,
И откровенность сладострастных «па»,
И сладкая эротика погони...

Их лёгкая, воздушная стопа,
Земли касаясь, отзывалась в звоне
Бубенчиков в косАх. Ах, как скупа
В сравненьи с ними песня бубенцов
На древе Аллы, в кроне вечных снов...*

СХХVI

Какою хищной красотой блестели
Алмазы их роскошных ожерелий,
И косы их струились за спиной
Как клочья черной, непроглядной ночи,
А та, кто воспевала дом родной,
Украдкою, потупив долу очи,
Блеснув, мелькнула павшею звездой,
И тайный, восхищённый взгляд мужской
Навеки вникуда взяла с собой.

СХХVII

Но, вдруг движение танца оборвалось,
Дыханье страстных див перемешалось
Со вздохами полУночных цветов,
Чья нежная мелодия, казалось,
Из омута прохладного садов
Взойдя, вдруг, падала и растворялась
В палитре сладкой юных голосов,
Рождающих кипение в крови,
Слагая гимн блаженству и любви:

СХХVIII, СХХVIII, СХХIX,
СХХХ, СХХХI, СХХХII, СХХХIII, СХХХIV

«О, Дух, в чьём дыхании слито
Стихий животворных дыханье,
Живёшь ты в горящих ланитах
И страстных любовных лобзаньях.

Ты – в свежести красок цветенья,

Глаза твои чем-то похожи
На лотос, дрожащий в волненьи
Потока любовного ложа.

Пришпорь безрассудное время,
Дух страсти, любви и блаженства,
Луна серебрит твоё стремя,
Чтоб вихрем лететь к совершенству!

Без радостных слёз
Любви не бывать,
Без молний и гроз
Цветов не собрать,

Любовный удар –
И сахар и соль,
Блаженство и дар,
Страданье и боль,

Любовь заметёт
И стает, как снег,
Не вечен её
Восторженный век,

Стечёт, как вода,
Успеешь испить?
Земле никогда
Эдемом не быть!

Приди, урони своё семя,
Дух страсти, любви и блаженства,
Час полной Луны – твоё время,
Чтоб вихрем лететь к совершенству!»

СXXXV

Но горше срама вражеского плена
Ему казалось буйство этой сцены,
Не страсть оно будило в нём, а злость –

Всё в этой знойной буре потерялось,
Что ясной песней бы отозвалось
В душе, где эхо страшных битв металось.
В уставшем сердце, кто желанный гость?
Улыбка, нежность, радость. И цветы.
Иной ему не надо красоты.

CXXXVI

От грешных сцен соблазна и улады
Азим свой взор отворотил с досадой,
Он обратил его к убранству стен,
А там чредой безмолвной выступали
Панно, картина, тонкий гобелен...
И яркою палитрой наполняли
Затертый контур позабытых сцен,
Напомнивших из глубины веков
Кристалльную эротику Богов.

CXXXVII

Могущество карандаша и кисти
Взывало к жизни чувственной, но чистой,
К высокому искусству, к красоте
Неброской наготы полуприкрытой,
Так горсть планет в небесной высоте
С фантазией дочерченной орбитой,
Где места нет греховной суете,
Сияет неподдельной красотой
И девственной манит чистотой.

CXXXVIII

Здесь Соломон, любовник, царь и Гений
В пылу своих амурных походов,
Премудрость жизни с жадностью черпал
В глазах возлюбленной царицы Сабской,*
Здесь Магомет Коран переписал,
Обман с любовью породнив и лаской,*

Здесь нежную Зулейку возжелал
Мальчишка-гебр, но искушенья страх
Гнал прочь его, с желаньем не в ладах.*

CXXXIX

Бредя в приливах призрачного света,
Азим читал нетленные сюжеты,
И встал заворожённо у окна,
Где лунная полночная прохлада
И блеск полей безжизненного сна
Сочились из серебрянного сада.
Невидимая жизни сторона,
С божественным началом, не земным,
Как-будто, приоткрылись перед ним.

CXL

И музыку, что душу развращала,
Божественность в молитву превращала.
О! Разве мог сейчас он не мечтать,
Восторженно заглядывая в вечность,
О той, кого он призван обожать?
Мечтай! Твоих мечтаний скоротечность
И тщетность их нетрудно предсказать,
Как скоро с этой сладкою мечтой
Простишься ты за роковой чертой!

* * *

CXLI

Вспорхнув, исчезли нимфы, песня стихла,
Но в тишине, что вслед за тем возникла,
Он одиночества не ощутил —
Несдержанное, горькое страданье
Он в глубине аркады уловил.
Кто во дворце любви и ликования
Такую горечь в сердце накопил,

Что даже тот, кто цепко горло сжал,
Рыдания в груди не удержал?

CXLII

Он обернулся, в сумрак устремлённый
Тревожный взгляд его узрел склонённый
К колонне скорбный, женский силуэт
Под сенью траурного покрывала,
Где ярким украшениям места нет.
Вот так же скорбно, в чёрном, провожала,
Полна предчувствий горестей и бед,
Его в поход когда-то Зелика.
И годы растянулись, как века.

CXLIII

Но помнил он горячие ланиты
И слезы горем глаз её убитых,
Непроизвольно руки протянув,
Азим хотел помочь ей распрямиться...
Но, рухнув на колени и прильнув
К ногам его подстрелянную птицей,
И покрывалом, как крылом, взмахнув,
Она лишилась чувств. И в этот миг
Увидел он смертельно бледный лик.

CXLIV

На лице том свой след года мучений
Оставили, но не было сомнений —
Пред ним была ОНА. Лишь он один
Божественность был разглядеть способен
Меж полуразвалившихся руин
Святыни, той, чей взгляд сейчас подобен
Пришедшему со дна ночных глубин
Скупому блеску меркнувшей звезды,
В котором нет ни счастья, ни слезы.

CXLV

А в давний час разлуки по-неволе,
Её глаза, исполненные боли,
Лучились неземною красотой,
По-своему их красило страданье,
Так красят сумерки густою темнотой
Царицы Ночи* бледное сиянье.
Мгновение! Не ускользай, постой!
Последним блеском взгляда покажи,
Что ясен свет живой ещё души!

CXLVI

Лишь Небеса судьбу души решают:
К себе влекут? В гиенну низвергают?
Сомнения — они не для меня!
Из всех сокровищ мира выбирая,
Которые блистая и маня,
Не стоят толики блаженства Рая,
Ни злато, ни полцарства, ни коня...-
Сто тысяч раз, с надеждой, вновь и вновь,
Я выберу тебя, моя любовь!

CXLVII

И в нежном нетерпении с уст Азима
Лобзание спешит к глазам любимой,
Уж саван тьмы, как рыхлый талый снег,
Стал оседать, являя первоцветы
Из-под её полузакрытых век,
Весны грядущей первые приметы.
Проснувшись ото сна, длиною в век,
Глаза блеснули утренней звездой...
«Очнись, любимая. Я здесь... Я — твой!

* * *

Весь день пути принцесса Лалла Рук,

Как-будто, вновь и вновь переживая
Печальную историю любви,
Оскоминкой проникшую ей в сердце,
Задумчиво глядела в небеса.
Там, далеко, в небесной синеве,
Фантазии волшебными кистями,
Средь серебристо-серых облаков,
Её воображенье рисовало
Те сцены, о которых Ферамор
С печалью ей поведал этой ночью,
И в образе несчастной Зелики,
Себя принцесса, тотчас, узнавала,
А в лице безупречного Азима
Ей мнился благородный Ферамор,
Так ясно и наглядно показавший,
Что сущность страстной, преданной любви
Подобна тайне яблок Истахара -*
В них никогда не сможешь угадать,
Где сладкая, как сахар, половинка,
Где горькая, как зыбкая полынь?
Так время шло. Клонился день к закату,
Переправляясь через реку вброд,
За странным и таинственным обрядом
Им довелось невольно наблюдать:
У берега молодая индианка,
На глиняное блюдо поместив
Мерцающую пламенем лампадку
И свежий, яркий розовый венок,
С благоговеньем, трепетной рукою
Доверила всё это воле волн.
Она так озабоченно следила
За мечущимся в волнах огоньком,
Что никого вокруг не замечала,
Как-будто в это время и сама
Меж бурных волн отважно проплывала.
Смысл этой сцены тотчас пояснил
Давно в долине Ганга проживавший

И знавший сей обычай проводник.
Подобие такого ритуала
Там можно столь же часто наблюдать,
Как сумерки над спящею рекою,
Украшенной сиянием всех звёзд.
Сей ритуал был жертвоприношением
За тех, кто выбрал дальние пути
От их друзей. О радостном исходе
Далёких странствий твёрдо извещал
Не гаснувший до кромки горизонта
Сияющей лампадки огонёк.
С тревогою и радостной надеждой
Следила ещё долго Лалла Рук
За огоньком, плывущим по теченью,
И думала: «Как зыбок этот мир...
В нем все мечты о счастье и надежды —
Не более, чем слабый огонёк
В объятиях бесчувственной стихии...»
Она в молчаньи грустном провела
Остаток дня, до самого привала.
Но грусть её — аккордом — Ферамор
Развеял, словно утреннюю дымку,
Он радостью наполнил ей глаза
И нетерпением — » что-то будет дальше?
Ах как зануден этот Фадладдин...
Сидеть в моём присутствии, конечно,
Поэту неприлично, но тогда —
Всем сесть велю я... В виде исключения...
Ну вот, прекрасно, можно продолжать...»
И царственно кивнула Ферамору.

* * *

CLXI

Военный град был неохватен взглядом,
Подобно Шалимара* колоннадам
Взметнулись ввысь золотые купола —

Шатры, кумач атласных павильонов,
Оружья блеск, доспехов зеркала,
В златых кистях хоругви легионов...
Но, чу! Тревога к битве позвала!
Мгновенье – топот, ржанье, вопли, хруст,
Ещё одно – и город мёртв и пуст...

*- дворец-сад в Кашмире.

CLXII

И тишь вокруг, век стана так недолог(!),
Лишь ветер колыхнёт пурпурный полог
Покинутого воином шатра,
И тучей встанет пыль над горизонтом,
А угли прогоревшего костра
Кровавый пир пророчат. И экспромтом
Бодрящий клич проносится:»Алла!»
Единый, общий, как святой Коран,
Для всех разноязыких мусульман.

CLXIII

Чей перст, играя, правит сей армадой
С такую легкостью, с такой бравадой?
Чей Чёрный стяг трепещет на ветру?
Халиф из Мерва ждёт гостей незванных!
Кровавым гимном в дьявольском пиру
Грохочут боевые барабаны
И глушат монотонную игру
Рожков и флейт, гудящих вразнобой,
И абиссинских труб протяжный вой.

CLXIV

Так принял повелитель Хорасана
Надменный вызов, брошенный Моканной.
Вскормлённые победами войска,
Блистательные воины Востока,

Клубясь, как грозовые облака,
На битву шли. И орды лже-пророка
Сметёт оруженосная рука,
Её немилосердная ладонь
Несёт им меч и «греческий» огонь.

CLXV

О! Месть халифа будет столь жестока,
Сколь дерзки богохульства лже-пророка!
Он на Святой Могиле клятву дал
Поймать и обезглавить самозванца.
И каждый воин, как молитву, знал:
«Гяуров, до последнего повстанца,
Предай мечу, чтоб ворон расклевал
Неверных прах. И жалость к ним отринь!
Отмсти за честь поруганных святынь!

CLXVI

Такую мощь, когда-либо, едва ли
Под Ченые знамена собирали –
Горячих горцев конный авангард,
Дамасские воинственные кланы,
И частокол из сабских алебард,
Меж чёрных мавров – белые султаны
Улан индийских. Словно леопард,
Изящный, дикий, чёрно-белый кот,
Святое войско двигалось вперёд.

* * *

CLXVII

Бесчисленны Моканны легионы,
Но в ремесле войны неискушённые,
То были тьмы озлобленных слепцов,
Обманутых лукавым самозванцем,
Язычество – религия отцов,

Роднило их под знаменем повстанцев
С непримиримым племенем бойцов,
Познавших унижение и срам
В насильном обращении в Ислам.

CLXVIII

Пыля копытом небо Хорасана,
Летели в бой джигиты Туркестана.
Шеломом в перьях на рыси кивал
Узбек-баши. Покрыв, как море, сушу,
Сойдя с седых, обледенелых скал,
Сыны заоблачного Гиндукуша
Текли на рать, катя за валом вал.
Под Белым стягом шли, восстав с колен,
Бесчисленные полчища туркмен.

CLXIX

Но не было среди них таких гонимых,
Униженных и столь непримиримых,
Как племя обожателей огня,
Несущих ненавистным сарацинам
Святую месть. Копытами коня
Мечтающих прогарцевать по спинам
Проклятых мусульман. Итак — резня!
Они за честь поверженных Богов
На пики взденут головы врагов!

* * *

CLXX

Две Истины, две Веры. Нет середины.
Они, как Бог и Дьявол, двуедины.
Халиф воззвал:» Вперёд! И с нами Бог!
Алла акбар! Обрящет Небо павший!»
В ответ призвал повстанцев лже-пророк:
«Смелей иди на битву, раб восставший!

Великий Эблис мусульман обрѣк
На страшную, но праведную месть,
Вернув рабу растоптанную честь!»

CLXXI

И рать на рать пошли живой стеною,
Кровь полилась кипящею рекою
К ногам бойцов, рождая океан.
Уж дважды восходящее светило
В дыму, объявшем битву, как туман,
В непримиримой схватке находило
Язычников и истых мусульман.
Слепая Вера в Божью благодать
Вела слепцов друг друга истреблять.

CLXXII

И был день третий. Орды лже-пророка
Армаду повелителя Востока
Вернули вспять и, в бегство обратив,
На землю Чёрное низвергли знамя.
Триумф! Победа! Посрамлѣн халиф!
Но, вдруг, у беглецов над головами
Как гром с Небес, толпу остановив,
Пронёсся клич, вернул бегущих в строй,
И с новой силой грянул смертный бой!

CLXXIII

Кто властной и решительной рукою
Вновь бросил малодушных в пекло боя?
Подобно Ангелу, который вѣл
Святую рать к победе при Бедере,*
Он был азартен, смел, свиреп и зол,
И в собственном бессмертии уверен,
Сто тысяч жизней, будто бы, обрѣл
И Небом был уполномочен несть
Лукавому лжецу святую месть!

CLXXIV

В груди идущих в бой под Черным стягом
Вновь полыхнули ярость и отвага,
Они, разя повстанцев наповал,
Свою дорогу обагрили кровью,
Меж гибелью и бегством выбирал
Кровавый враг. И к страшному злословью
Моканна понапрасну прибегал,
Пытаясь бегство войск остановить
И снова ход борьбы переломить.

CLXXV

Как облаков кочующая стая,
Гонимая ветрами, покидая
Луну в крови на небе штормовом,
Войска Моканны в панике бежали,
И лже-пророк, в отчаяньи, мечом
Рубил подряд, и тех, кто отступали,
И наступавших, шедших напролом,
Но тщетны гнев, жестокость, боль и страх,
Когда всё решено на Небесах.

CLXXVI

Никто не ведал, кто он и откуда,
Небесный воин, сотворивший чудо,
Пришедший, как из прерванного сна.
Тяжёлый меч, светящейся иглою
Рвал бездну тьмы и, достигая дна,
Дорогу метил юному герою
К шатру Моканны. Цель его ясна –
Святая месть. И он мостить готов
Свой путь отмщенья трупами врагов!

CLXXVII

Герой спешил, как видно, не напрасно,

С душой злодея всё уж было ясно:
Небесных серафимов караул
Сверкнув мечами в пламенных десницах,
Вокруг Моканны молча строй сомкнул,
Но не желая Небу подчиниться,
Забыв про стыд, злодей тотчас нырнул
В безликий, обезумевший поток
Разбитых войск, бегущих со всех ног.

CLXXVIII

Он, словно хищник в русле водостока,
Захваченный врасплох шальным потоком,
В бессильной ярости к подножью скал
Летел, судьбу моля и проклиная,
Кружась, в кровавом сЕле утопал,
Который на пути всё пожирая,
Злой ум последней радостью питал:
Пред ним предстал его деяний плод –
Кровавой бойни гибельный исход!

CLXXIX

«Алла акбар!» – под радостные крики
Взлетали вверх хоругви, сабли, пики...
С уст воинов слетал благой мотив –
Колена преклонив, сыны Ислама
Хвалы запели Алле. Их халиф
Исполнил клятву – не приемля срама,
Мятежников жестоко подавив,
В пиру кровавом угостился всласть,
Возвысив Веру и Закон, и Власть!

CLXXX

Кто в час триумфа по-солдатски прямо
Блистательному рыцарю Ислама
Не позавидовал? Посол Небес,
Он нёс доспехи и оружие Аллы,

И пылкий вызывало интерес
Героя имя. Музыкой металла
Оно звенело в тысячах сердец,
Как радостный, восторженный ответ
На гимн Небес, звучащий вокруг планет!

CLXXXI

Но горе шло за ним по жизни следом,
Вкус радости побед ему неведом.
В душе Азима – мертвенная мгла,
В ней луч, как в Мёртвом море, растворится
И как бы ни была заря светла,
Ей в глубину вовеки не пробиться.
Так, весь заряд душевного тепла
В объятьях хладных незаживших ран
Застыл, как замороженный фонтан.

CLXXXII

Как памятник той нестерпимой боли,
Что он пронёс сквозь волю и неволю
С одним желанием – жестоко мстить
Тому, кто был единственной причиной
Несметных бед, кому не мог простить
Своей любви печальные руины,
Своих скитаний, нежеланья жить...
Моканна – мрачный Гений, лже-пророк,
Молись! Грядёт немилосердный рок!

CLXXXIII

Азим, как верный, преданный опричник,
Расчетливый пернатый ловчий хищник,
С небес сорвавшись пламенной звездой,
Без колебания, в пучину боя
Швырнул себя. Он жертвовал собой
Не славы для. Не лаврами героя
Был одержим. А думаю одной,

Одной мечтою — только бы успеть
Мир уберечь пред тем, как догореть.

CLXXXIV

Лишь горстка дерзких воинов Моканны,
Неся потери, презирая раны,
Но не смешав порядок боевой,
Врагу трусливо спин не показала,
Ожесточенно продолжая бой,
Она к вратам Некшеба отступала,
И Белый флаг над гордой головой
Стал знаком отречения и мольбы,
А не священным фетишем борьбы.

* * *

CLXXXV

Гарем в походе был ему обузой,
Но лже-пророк не мог порвать союза
С одной только Жрицей — с Зеликой.
Она была при нем. Но не любовью
Он был прикован к ней, не красотой,
А страшной клятвой, пролитую кровью
И мрачной Люциферовой звездой,
Одной-единственной из всех светил,
Которой он колена преклонил.

CLXXXVI

Он лгал себе — не Жрицею, а Жертвой
Избрал он Зелику. Страшнее смерти
Был жребий девы. Дьявола строка
Уродовала чистую страницу
В скрижалях осуждения греха.
Покуда продолжало сердце биться,
Его немилосердная рука
Сжимала душу, взятую в полон,

Он – Гений зла! Он – демон-гегемон!

CLXXXVII

Ему обман, коварство, грязь и гадость
Дарили омерзительную радость,
И жертвоприношения, маня
Неистребимой тягой к своевластью
Лишь добавляли адова огня
Его глазам. Он упивался счастьем
При виде тех, кто гибли вопия,
В развязанной тщеславию войне,
И корчились на жертвенном огне.

CLXXXVIII

Разгромленный в решающем сраженьи,
Моканна не приемлил поражения.
Взгляд погрузив во мрак ночных полей
С высоких стен Некшебских бастионов,
Он ясно видел сполохи огней
Костров. Он чуял поступь легионов.
Так гром и молнии в сезон дождей
Грозят бедой. Но лже-пророк готов
Сразиться с миллионами врагов!

CLXXXIX

«О! Ангел Тьмы, завистливый и низкий,
Могущество короны Ассирийской
Развеяв взмахом чёрного крыла,
Ты в ад низверг, где власть твоя безмерна,
Куда стезя порока привела
Халифа и Раба, что так же верно,
Как то, что породит ночная мгла
Чудовище. И этот смертный бой
Покажется всем детской игрой!

СХС

Шаги его я слышу за спиною,
Палач и Жрец! Железною рукою
Он пошатнувшийся присвоит трон,
И, отвратительной лучась улыбкой,
Из вас мучительный, ужасный стон
Он вырвет страшной, изощрённой пыткой,
Под вой рабов, спешащих на поклон,
Но, даже в гроб ступив одной ногой,
Я радуюсь, заслышав этот вой!»

СХСІ

И славы и позора очевидцы
Всё ж продолжали на него молиться,
Числом чем меньше, тем они верней.
В последний бой, в последней вспышке гнева,
Они седлали боевых коней,
Но, вдруг, слова далёкого напева,
Пришедшего из тьмы ночных полей,
Заворожили их и дикий пыл
Сей зов в ночи заметно охладил:

СХСІІ

«О! Братья, ратоборцы правой Веры,
Я – вестник Неба, той высокой сферы,
Где звёзды не купаются в крови,
Где тьма не укрывает злобной тенью
Жемчужину Земли – юдоль любви,
Пред ней покорно меркнут во мгновение
Алмазы звёзд, корона Герашида,*
Сияние прекрасных глаз Али,*
Так блекнет ночь – посланница Аида,
В лучах рассветных утренней зари.
Возрадуйтесь, идея мракобесья
В потоке бурном мрачных волн судьбы
Уж канула. Счастливого известье
Победы вашей праведной борьбы

Начертано восторженно и прямо
В скрижалях подвигов на Небесах,
Повержен враг, и скипитр Ислама
Надёжно в ваших сохранён руках.
В сей Лунный час — Небесных Сил явление —
Родник Некшебский шлёт своё знаменье!»

СХСІІІ

Внезапно всё вокруг преобразилось,
Как-будто ночь зарёю разродилась,
Святой источник яркий сноп огня
Изверг во тьму ночного поднебесья,
Палитрой яркой солнечного дня
Украшив город и окрест все веси,
Развеял тьму и, взоры всех пленя,
Внушал слепцам — у Веры сто дорог,
Но Вера, всё ж, одна, един и Бог!

СХСІV

Для всех, язычников и правоверных,
Как символ очищения от скверны,
Раскрасившая небо борозда
Явила Чудо. В ней и Знак Пророка,
И пламенем объятая Звезда —
Божественные символы Востока,
Взывали к миру. Раз и навсегда.
В бессильной злобе только лже-пророк
Смириться с поражением не мог.

СХСV

В глазах бойцов предчувствуя измену,
Предпочитая смерть позору плена,
Моканна выхватил из ножен меч,
Воззвал:» К победе!» Во мгновенье ока
Врата Некшеба, будто дали течь,
И в них, подобно горному потоку,

Чтоб победить иль прахом в землю лечь
Рванулись все, кто мог ещё держать
Древко копьё и сабли рукоять.

CXCVI

То был бросок на гибель обречённых,
Сминая мусульман, замороженных
Святым знаменем, лже-пророк достиг
Шатра халифа, и, казалось, снова
Сравнились шансы, но предсмертный крик
Стоявшего в дозоре часового
Поставил войско на ноги и вмиг,
Как растревоженный пчелиный рой,
Сыны Ислама ринулись на бой.

CXCVII

Бивак вскипел. От забытья очнулся.
И дерзкий рейд Моканны захлебнулся.
Грудь – в грудь. Глаза – в глаза. Клинок – в клинок.
Симфония победы зазвучала,
Но это был ещё не эпилог.
Подобно молнии, сквозь саван покрывала
Средь тех, кто под собой не чуя ног,
Спасался бегством, яростно сверкал
В улыбке хищной дьявольский оскал!

CXCVIII

Нет, не триумф был для Моканны важен,
Разгромом не был он обескуражен,
Его одна, как встарь, душила страсть –
Он, поле боя устелив телами,
Внушал живым, что лучше навзничь пасть,
Чем на колени пасть перед врагами,
Он укреплял свою над войском власть.
Фанатики! Ответьте, почему
Вы, как и прежде верили ему?

СХСІХ

Однажды и ребёнок понимает –
На радуге небесной не играют!
Алхимик отрекается, устав
В горниле золото варить из ртути,
Но Вера, даже в миф, но всё же став,
Пусть ложной, но усвоенною сутью,
Имеет свой, непоколебимый нрав.
Владел Моканна хваткою ловца,
Которой Эблис связывал сердца!

СС

Лишь только Зелика одна и знала
Что скрыто за завесой покрывала –
Коварный заговор вселенской лжи
Сплетённый властолюбцем, лже-пророком,
На гибель человеческой души.
Но разум ненадолго, ненароком,
Как в огненной пустыне миражи,
Взрывал в ней непокорности вулкан
И умолкал, как древний истукан.

ССІ

Моканна только в ней искал спасенье,
В наряд венчальный, в бусы, украшняя
Он вновь её, как в Мерве, облачил.
И пред толпой, как жертвоприношение,
Невеста, чей жених – свирепый Нил,
Она предстала (страшное мгновенье),
Ей разум вновь с безумством изменил,
А изувер, уже не веря сам,
Внушал своим доверчивым рабам:

ССІІ

«Вы отдадите Жрицу на закланье

Тем демонам, чьё злое заклинанье
Владеет ею? Адову печать
Которая чело ей омрачает,
С неё лишь ваша Вера может снять!»
...Истощный вопль, ей горло раздирая,
Взметнулся к небу. Но истолковать
Лукавый изверг крик сей поспешил,
Как глас Небес, сошедший со светил...

ССIII

О! Это было тщетное коварство,
От голода – всего одно лекарство,
Голодный собирал по колоску
Всё то, что взмахом сабля разбросала,
И хлебу – даже малому куску –
Он верил больше. Сила покидала
Бойцов Моканны. В поле, на скаку,
Отряд тартарских горцев гарцевал,
Но не атаковал, а выжидал...

ССIV

Всё было тихо пред последним боем.
Настала ночь. С невероятным воем
Окутанные пламенем шары
Обрушились на город, извергая
Фонтаны раскалённой мишуры,
И пламя, ненасытно пожирая
Дома и храмы, скверы и дворы,
Всё новых жертв искало – их тела
Пылали, как живые факела.

ССV

В безумном танце адская фиеста
Живым в ночи не оставляла места,
Некшебских бань священная вода
Смешалась с кровью, в шелк огня одеты,

Казалось уж молитвой никогда
Пылающие пики минаретов
Не освятятся... Горе – не беда!
Некшеб уже не раз переживал
Осадных дней кровавый карнавал.

ССVI

В зловещих отблесках горящих башен,
Взбешён, бессилён, но, как прежде, страшен,
Моканна понимал, что час пробил,
Он обречён. Однако же, гордыня
Его душила. Сам себе не мил,
Как вопиющий в выжженной пустыне,
Он страх и ужас в голос обратил,
И душам погибающих во след
Летел его безумный, дикий бред:

ССVII

«Принять позор? Смириться? Сникнуть? Сдаться?!
О, нет! Нам выпал жребий жить и драться!
Сейчас, когда так близок наш успех,
Когда Господь призвал в иные сферы
Храбрейших, лучших, преданнейших... Всех,
Кто нёс в себе караты новой Веры,
А нас избрал наследниками тех,
Кто пал в борьбе, но завещал нам жить.
Нам судьбы мира выпало вершить!

ССVIII

Где ваша Вера в свет Звезды Востока?
Ещё вчера я был для вас пророком,
Сегодня страх вам разум смог затмить,
Но вы забыли как смертельно жало
Во взоре славы. Всё труднее скрыть
Его в покрове мрачном покрывала,
Оно готово вмиг испепелить

Мильон врагов. Сей взор так долго спал,
Но пробужденья час уже настал!

ССІХ

И убедиться в этом вам воочью
Представится возможность нынче ночью.
О! Это будет праздничный обряд,
Где голод обессиленного тела
Бойцы обильной пищей утолят!
Испив вина от лучших виноделов,
Измученные души воспарят
До Райских Врат. И я, как обещал,
Явлю свой взор из плена покрывал!

ССХ

И снова – в бой! В котором взор явленный
Рассеет тьмы ревущих по Вселенной!»
В снедаемых сомнением сердцах,
Упоминания о новой жизни
Перебороли голод, боль и страх,
Рождая жажду скорой сытной тризны,
И в такт словам – оружия мерный взмах,
В чеканном трансе вторили они:
«Яви свой взор, яви, яви, яви!!!»

ССХІ

Желая лицезреть Ворота Рая,
Не чувствуя обмана и не зная,
Что значило «испытать и воспарить»,
Они, из сил последних выбиваясь,
Плясали среди мёртвых во всю прыть,
Воинственными криками пытаюсь
Оставшихся в живых приободрить
Из раны вырванной, горящею стрелой
Один из них взмахнул над головой.

ССХII

И грянул пир! И разгорелась тризна!
Моканна вновь возвышен, снова признан,
Над ним взошла кровавая Луна,
Горя в багровом отсвете пожара.
И Зелика была обречена
Всё это видеть. О, Господня кара!
Как ты немилосердна, как страшна...
Богатый стол с обильною едой,
Что ни сервиз, ни кубок – золотой.

ССХIII

Вновь человечье гнусное отродье
Он с лёгкостью купил. Чревоугоды
Ниспослано, как искушение, но...
От голода дрожащими руками
Они хватали пищу. И вино
Отхлёбывали жадными глотками...
И лже-пророку делалось смешно
При виде жертв своих. Он хохотал
Безудержно и злобно. Он-то знал,

ССХIV

Что траурное выльется веселье
В немое, похоронное похмелье.
Тем временем кружиться продолжал
Безумный жернов адской вакханальи,
Где раб плясал, орал, хлебал, жевал,
Где сытые и пьяные каналы,
Вдруг, с ног валились. Навзничь. Наповал.
Во тьму небес послав стеклянный взгляд,
С глотком вина испив смертельный яд.

ССХV

Слепая Вера! Коль иной не надо –

Вот за неё достойная награда!
За преданность, за воинскую честь,
Которую в боях не растеряли,
Была наградой варварская месть.
Последние бесславно умирали,
В мученьях ублажали злую спесь,
В кулак сжимая пальцы пред собой
Бессильной непослушной рукой...

ССХVI

Моканна, как железное забрало,
Сорвал с себя завесу покрывала,
Богopodobный, некогда, кумир,
Сейчас, звериной искажась гримасой,
Как яростный кладбищенский вампир,
Застигнутый врасплох рассветным часом,
Затравленно глядел на этот мир,
В котором он величья не снискал,
И мир его с позором отторгал...

ССХVII

Но, глядя жертвам в мёртвые глазницы,
Он продолжал куражиться, глумиться:
«Тупые черви! Гнусные рабы!
Вы отыскиали путь в свою нирвану?
Весь мир взнуздав, поставив на дыбы,
Вы оказались жертвами обмана.
Покойтесь с миром, знайте, если бы
В бою вы оказались всех сильнее,
То стал бы жребий ваш куда страшней!

ССХVIII

И ты, о, Жрица, юная невеста,
Займи, как подобает, своё место,
Не бойся их, они – лишь мертвецы,
Иль мёртвых никогда ты не видала?

Мои ночные гости, храбрецы,
И в честь твою наполнили бокалы.
Но что это? Все пьяны? О, глупцы!
Тупая жажда, ум опередив,
Вскачь пронеслась, бокалы осушив.

ССХІХ

Не грех бы и невесте причаститься...
Достаточно для вен горячих Жрицы
И капли драгоценного вина,
Чтоб прелесть уст сумела сохраниться –
Счастливому любовнику она
Позволит поцелуем насладиться
И, поделившись ядом с ним сполна,
Исполнит то, что я не смог свершить,
Чтоб Эблиса достойно ублажить!

ССХХ

Лишь мёртвый враг в бою имеет ценность,
Лишь мёртвому прощаю я надменность,
Хотя мой жребий тоже – умереть,
Но только не голодной смертью твари,
Что заживо сгниёт. Не должно сметь
Глумливому рабу в грязи и гари
У ног своих с презреньем лицезреть
Пророка прах. Пусть смерть. Но после них!
Я буду здесь последним из живых!

ССХХІ

Настал мой час... Я полон нетерпенья.
Последнего ждёт тело омовенья,
В роскошной ванне, где, сомненья нет,
Кипящее таинственное зелье
Мой дух убережёт. На много лет
Она желанной станет мне купелью.
Свидетельствуй, и помни мой запрет,

Никто живым отсюда не уйдёт.
С собою в царство мёртвых унесёт

ССХХII

Души моей успокоенья тайну.
Уйду не навсегда, и не случайно
Вернусь в кровавых отблесках зари,
И в честь мою, с усердием и тщаньем
По всей Земле воздвигнут алтари,
Где я глупцам за всё воздам закланьем.
Вампиры, вурдалаки, упыри –
Жрецами станут в них и на крови
Мне поклянутся в Вере и любви.

ССХХIII

И заклинанья этой новой Веры –
Расчётливо-невнятные химеры,
Предательством наполнят паруса
Отправленного Дьяволом ковчега
С проклятием в Эдем, на Небеса,
С земного, отвоёванного берега.
Да, выпадет кровавая роса,
Мою дорогу к трону окропив,
Анархию и ложь объединив!

ССХХIV

И ныне не рождённые монархи –
Царьки, князьки и церкви иерархи,
Уже обречены. И проклинать
Меня из века в век найдут причины,
Мой Гений, Дух, божественная Стать,
Вернутся в мир под дьявольской личиной.
Тщеславие и жажду убивать
Я снова разбужу и станут вновь
Земным блаженством ужас, боль и кровь.

ССХХV

Но, чу! Таран уж сотрясает стены,
Нет! Страха нет! Я избежал измены!
Здесь не найдут и слЕда моего,
А мётрвые всегда хранят молчанье...
Теперь – следи – пророка естество
Финал обряда нашего венчанья
Мгновенно обращает в божество,
Мой Дух соединяя навека
С энергией святого Родника!

ССХХVI

По мраморным ступеням к краю ванны
Торжественно и зло ступал Моканна
И, устремив в неё безумный взгляд,
Как-будто подчинял себе стихию
Кипящих вод. Свой дьявольский обряд
Он завершал в молчании. Вития
В нём утолил свой проповедный глад.
И, вдруг... прыжок. И брызг бурливый рой
Сомкнулся у него над головой.

ССХХVII

Так мёртвый город заключил в объятья
Живую жертву мрачного проклятья.
Одна средь голых обожжённых стен,
Держа в руках Моканны покрывало,
Она брела сквозь муки, смерть и тлен,
Ни для кого не зрима, кроме Аллы.
Вновь проживая ужас жутких сцен,
Их, людям в назиданье и пример,
Поставить мог лишь лютый Люцифер!

ССХХVIII

А метроном осадного тарана,

Бодря сердца ревнителей Корана,
Секунда за секундой приближал
Падение Некшебских бастионов,
И мёртвый город, как живой, дрожал
Под градом ядер «жала скорпиона»*
И камень стен напора не сдержал,
Обвал звучал, как триумфальный гром –
Войска халифа бросились в пролом.

ССХХІХ

И первым в их рядах неудержимо
Судьба вела горячего Азима.
Но лишь осела пыли пелена,
Не яростный отпор остановил их,
А та кладбищенская тишина,
Повисшая, как на краю могилы,
Над мёртвым градом. Вот она, цена,
Которую за пару черных крыл
Моканна Люциферу уплатил.

ССХХХ

В немом туманном мареве рассвета
Расплывчатым, нечетким силуэтом
На фоне догорающих руин,
Навстречу, словно призрак, выступала
Фигура в белом. Шаг, ещё один...
О! Как знакомо это покрывало!
«Смерть Дьяволу!» – орали из-за спин,
«Святой халиф, он мой! – вскричал Азим, -
Я раздавлю червя движением одним!»

ССХХХІ

Однако, в грудь врагу удар нацелив,
Азим сдержал коня. Конь, еле-еле,
Ступал вперёд, оттягивая миг
Триумфа. Враг обезоружен,

За покрывалом робко прячет лик,
И над челом уж Ангел Смерти кружит...
Но призрак, вдруг, рывком копья достиг,
И, обхватив древко, что было сил
Себя смертельной раной поразил.

ССХХХІІ

И вмиг побагровело покрывало,
Но побледнел Азим. Что, вдруг, с ним стало?
В копье вцепилась... девичья рука!
Долой с коня! И прочь с лица забрало!
О, Боже, правый, это – Зелика!
«Любимая..!»- но дева умирала,
В глазах лениво плыли облака,
И голову в его ладонь склоня,
Она шептала:»Ты прости меня...

ССХХХІІІ

Молить о смерти Бога я не смела,
А умереть сама... нет, не сумела.
Как сладко смерть принять из этих рук...
Но я об этом даже не мечтала.
Я думала избавиться от мук,
Переодевшись в это покрывало.
Был должен, верно, каждый третий лук,
Направленный недрогнувшей рукой,
Тотчас же, поразить меня стрелой...

ССХХХІV

Ты – мой палач. Иного мне не надо,
И смерть из рук твоих – моя награда!
Её на жизнь, где счастье и любовь,
Поверь, я никогда не променяю.
Карай. Пусть очистительная кровь
Прольётся, раз и навсегда смывая
Позор и грех души моей. И вновь

Меня своей любимой назови —
Прощальный знак прощенья и любви...

ССХХХV

Твои уста пусть днём и ночью дышат
Молитвой обо мне. Её услышат,
Пред Аллой повторяя за тобой,
Все Ангелы. И высшее прощенье
Мне снизойдёт. Блаженство и покой!
Душа восстанет из Реки Забвенья,
И в снах тебе расскажет, милый мой,
О радости своей. Молись и знай,
Нас смерть не разлучит...Прощай... Прощай...

* * *

ССХХХVI

Летело время. Дни слагались в годы.
Неспешная Аму катила воды
У брЕга, где молитвой освящал,
И день и ночь, печальное надгробье
Согбенный старец. Зной ли предвещал
Пустынный ветер, или мерной дробью
Слезился дождь — старик не замечал —
Пав на колена, из последних сил,
Он Небесам молитвы возносил.

ССХХХVII

И, как награда, словно озаренье,
В предсмертный час ему пришло виденье —
Нарядная, красивая — Она,
В последнем сладком сне ему явилась
И молвила:»Я Небом прощена...»
Старик вздохнул и к небу устремилась
Душа его.
Чиста и холодна,

Их ласково баюкает река —
Бок о бок спят — Азим и Зелика...

Переводчик: Трояновский Игорь Дмитриевич

**-имеются ввиду колокольчики, которыми увенчаны деревья, окружающие трон Бога.*

**-Вообще предполагалось, что у мусульман запрещено изображение всего живого; Однако, Toderini показал, что, хотя практика запрещается Кораном, они склонны к красивым изображениям людей. Из работ г. Мерфи, также, мы видим, что у испанских арабов были свои соображения на этот счёт. (Т. Мур)*

**-Сюжет о страсти, испытанной Магометом к Марии, в оправдание которой он добавил новую главу к Корану. (Т. Мур)*

**-Зулейка — имя жены Потифара, некоторые аравийские авторы также называют ее Раиль. Страсть, которой воспылал к ней иранский раб легла в основу поэмы на персидском языке, имевшей название «Yusef va Zelikha»; копия рукописи которой имеется библиотеке Оксфорда. (Т.Мур)*

**- ночной цветок*

**-в провинции Istakhar растёт такой сорт яблок, которые с одной стороны сладкие, а с другой горькие.*

**- дворец-сад в Кашмире.*

**-В исторической победе мусульман при Бедере Магомету оказали помощь три тысячи ангелов во главе с Джабраилом. Poemalar*